РАЗДЕЛ II.
ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Н.А.ОКЛАДНИКОВ

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК И СПОДВИЖНИК ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Христианские подвижники-юродивые, представлявшиеся глупыми или странными из смирения или по обету и ради «вечного спасения своего», со времён Древней Руси пользовались уважением народа как обличители «грехов», «пороков», и их почитали как «пророков», а церковь нередко причисляла их к лику святых. Пользуясь народным покровительством, они бесстрашно говорили с царями и боярами.

Учитывая всё это, вождь и идеолог русского церковного раскола протопоп Аввакум Петров, возвратясь из сибирской ссылки, стал привлекать юродивых к себе, чтобы обратить их страдания в пользу старой веры и усилить тем самым своё влияние в народе.

Одним из юродивых, которого Аввакум первым привлёк на свою сторону, был мезенец Фёдор. Аввакум встретил его в 1664 г. в Великом Устюге, возвращаясь с семьёй из сибирской ссылки. Там, в Великом Устюге, Фёдор, по свидетельству Аввакума, юродствуя, «бродил в одной рубашке босиком... годов с пять, зело велико нужду терпел от мраза и от побои». А юродствовать «как обещал Богу» Фёдор начал после того, как во время бури на море тонул, когда ехал на ладье с Мезени, да помог его «от потопления Бог избавить».

Познакомились они «у церкви в палатке», где Аввакум читал проповеди, а Фёдор прибегал туда «молитвы ради». Здесь от Аввакума он узнал о пагубности церковных «новин», направленных на исправление старых церковных обычаев, которые вводил своими реформами патриарх Никон. После этого Фёдор «в печь кинул» имевшийся у него в келье псалтырь «новых печатей», «да и проклял всю новизну».

Окладников Николай Анатольевич – краевед, член Русского географического общества, г.Архангельск.

В «Житии» Аввакум, описывая своё знакомство с Фёдором, упоминает, что тот вырос на Мезени в зажиточной семье: «Отец у него в Новгороде богат гораздо, сказывал мне, мытоимец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени».

Аввакум решил привлечь юродивого Фёдора на свою сторону ещё и потому, что Фёдор был знаком с церковной грамотой и неплохо писал. В лице Фёдора он приобрёл верного и преданного ему сторонника. Аввакум сумел так расположить этого «блаженного» к себе, что тот стал самым яростным защитником его дела и готов был за него идти на костёр и на виселицу.

В Москве, куда Аввакум приехал весной 1664 г. из сибирской ссылки, его приютила вместе с семьёй в своём доме боярыня Федосья Прокофьевна Морозова. Здесь же в одной комнате с Аввакумом поселился и Фёдор. Он помогал Аввакуму делать выписки из церковных книг для полемики с «никонианами».

Ко времени возвращения Аввакума в Москву Никон был отстранён от патриаршества, и Аввакум надеялся, что удаление Никона означает возврат к старой вере. Но царь и боярская верхушка не собирались отказываться от церковных реформ. Поэтому Аввакум, не довольствуясь открытыми проповедями в защиту старой веры, написал челобитную царю, в который просил его, «чтоб он старое благочестие взыскал и мать нашу общую — святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православного учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика».

Но царь отверг все просьбы Аввакума. Не удовлетворённый этим, Аввакум пишет ему вторую челобитную, содержание который до нас не дошло. Эту челобитную 22 августа 1664 г. он «выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым». Фёдор с письмом Аввакума «приступил со дерзновением к цареве карете», но охрана не допустила его до царя, и по указанию последнего его посадили в караульное помещение, что было под красным крыльцом царского дворца, «не ведая», что при нём челобитная Аввакума. Когда царь узнал об этом, он велел доставить письмо Аввакума с челобитной к нему, а Фёдора отпустить. Но вскоре после этого юродивый подошёл к царю в церкви и «учал юродством шаловать», то есть клику-

шествовать, и так досадил ему, что был отправлен «под начал» в Чудов монастырь, где архимандрит Павел «железа на него наложил» и скованного содержал под стражей в темнице монастыря. Вскоре царь сжалился и велел отпустить его.

Видимо, во второй челобитной Аввакум много написал такого, что царь принял решение о высылке непокорного протопопа. 29 августа он вместе с семьёй был отправлен в Пустозерск, но, как известно, не доехал и был оставлен в ссылке на Мезени в Окладниковой слободке.

За время нахождения Аввакума в ссылке на Мезени, Фёдор за какие-то дерзкие поступки был выслан в Рязань, где, находясь под начальством архиепископа Илариона, злейшего врага протопопа Аввакума, «скован сидел» в темнице и там его «жестоко мучили... Реткой день плетьми не бивше пройдёт», принуждая «к причастию своему». Но и здесь, среди приближённых Рязанского архиепископа, нашлись сторонники Аввакума, которые помогли бежать его верному ученику. Совершив побег из Рязани, Фёдор возвратился в Москву и, скрываясь от преследования властей, некоторое время проживал в доме боярыни Морозовой.

В феврале 1666 г. в Москве началось заседание церковного Собора, который должен был осудить вождей и идеологов церковного раскола, 1 марта на суд Собора с Мезени был доставлен протопоп Аввакум. Вместе с ним в Москву приехали его старшие сыновья Иван и Прокопий, которых приютила у себя боярыня Федосья Морозова. В это время, скрываясь от властей, в доме Морозовой проживал юродивый Фёдор.

Аввакума до суда Собора и после осуждения держали под стражей в разных местах, в том числе с сентября 1666 г. «скована держали год без мала» в темнице Боровского Пафнутьева монастыря. Сюда к нему «втай» приезжали его сыновья Иван и Прокопий с его верным учеником юродивым Фёдором. Во время этой встречи, как вспоминает Аввакум, Фёдор спрашивал его: «Как ныне мне велишь: туды ль-де (обратно в Рязанский монастырь. — *Н.О.*) паки мучится пойти или здесь таится от них? Как бы де Бога не прогневить? Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить».

После осуждения Собором 30 августа 1667 г. Аввакум был от-

правлен в ссылку в Пустозерск. Его жена Анастасия Марковна с младшими детьми оставалась в ссылке на Мезени в Окладниковой слободке, в старшие сыновья Иван и Прокопий вместе с юродивым Фёдором продолжали жить в доме боярыни Федосьи Морозовой.

Но вскоре после этого между боярыней Морозовой и Фёдором произошёл серьёзный конфликт. Суть конфликта не вполне ясна, но ссора приняла довольно крупные размеры. В результате боярыня выгнала из своего дома Фёдора, а вместе с ним поддерживающих его Ивана и Прокопия, и они вынуждены были скитаться в Москве «где день, где ночь никто держать не смеет», а летом 1669 г. «кое-как на Мезень к матери прибрели» вместе с юродивым Фёдором.

После ссоры Ф.Морозовой с Фёдором оба они в своих письмах к Аввакуму жаловались друг на друга, а боярыня— и жене протопопа Анастасии Марковне. Письма Фёдора не дошли до нас, а из сохранившихся писем боярыни Морозовой непонятно, в чём конкретно заключалась суть конфликта между нею и Фёдором и чем он не пришёлся ей ко двору. То ли он пил и буянил, то ли сошёлся с одной из близких боярыне женщин...

Возможно, одна из причин этого конфликта кроется также в скупости боярыни Морозовой, которая не оказывала той помощи «страждующим рабам Христовым», которую обещала оказывать. Так, в одном из писем к Морозовой Аввакум пишет: «Как тебе дали двор и крестьян прибавили, и ты ко мне писала: “Есть чем, батюшко, жить; телесного много дал Бог”. А ныне в другой грамотке пишешь: “Оскудала, батюшко, поделиться с вами нечем”. — И я лишь рассмеялся твоему несогласию. А всё-то у тебя притрапезники и душегубы изгубляют, а не истинным рабам Христовым, проливающим крови свои за Христа, милостыня от тебя истекает, яко от пучины морская малая капля и то с оговором. Да сказывал мне Фёдор, обещалася боло-де ты давать от имения своего с клятвою пятую долю страждующим рабам Христовым, а ныне больши жаль стало...» В этом же письме он далее пишет: «Говорила боло ты и по смерти моей их (детей Аввакума.— *Н.О.*) не покинуть, а ныне, вижу, и при живом оплевала. Ведаешь ведь, каков тебе сын — таковы и мне дети, хотя бы они и впрямь заплутали. А ты бы их духовно смирила, а голодом не морила».

В своих письмах Аввакуму боярыня Морозова, жалуясь на Фёдора, пишет: «Лют сей человек! Так, а не покается. Много было писать, да нельзя... Бог миловал, что нет его у нас. Много того писать, что и ему непостижимо козней его... Бога забыл и детей твоих всякому злу научил».

А жене Аввакума Анастасии Марковне на Мезень, жалуясь на Фёдора, она писала: «... всем домом моим мутил, и в том судит его Господь. А как я отказала ему, и он всем стал мутить на меня, и детям твоим, и всем оглашал, и поносил меня не делом, и так поносил, что невозможно не только писанию придать, но и словом изречи невозможно». И тут же предупреждает Марковну: «Только ты, матушка, опасайся такового: лукав есть и зело злокознен».

В своих письмах к Аввакуму Ф.Морозова, жалуясь на Фёдора, просит протопопа запретить сыновьям «знаться» с Фёдором, у которого они переняли «высокоумие великое на себя». С этой просьбой она обращается к Анастасии Марковне.

Но Аввакум стоял за Фёдора горой, хоть и проучивал его: «Плутаешь иное ты много. Ведаю ведь я и твоё высокое житьё, как у неё живучи кутил ты!»

А боярыне Морозовой в ответ на её жалобы на Фёдора Аввакум писал: «Я детям своим велю Феодора любить — добрый он человек: преж тебя его знаю и давно мне сын духовный... А я, су, им Феодора еретиком звать не велю... Помирися с Феодором, помирися с детьми моими — добро-то будет; аще ли ни — то нехорошо будет».

Находясь в заточении в осыпной земляной тюрьме в Пустозерском остроге, протопоп Аввакум писал послания и «грамотки» своим единомышленникам и тайно через верных людей переправлял их на волю. В распространении сочинений Аввакума самое активное участие принимал юродивый Фёдор, который, находясь на Мезени, проживал вместе с семьёй протопопа Аввакума. Ему помогали Иван и Прокопий и верный ученик Аввакума молодой москвич Лука Лаврентьевич, добровольно последовавший в ссылку на Мезень вместе с семьёй протопопа.

Как смелому бесстрашному «воину Христову» Аввакум поручал Фёдору переправлять свои послания в осаждённый царскими войсками Соловецкий монастырь, монахи которого, отка-

завшись подчиниться церковным реформам, восстали против властей. И вероятно, осенью 1669 г. Фёдор по заданию Аввакума побывал там.

Послания Аввакума в многочисленных копиях расходились по всей Руси, вызывая брожения в народных массах, протест против «никониан» и правительства. Всё это серьёзно беспокоило власти, и они решили расправиться не только с протопопом Аввакумом и его «соузниками» по пустозерской ссылке попом Лазарем, дьяконом Фёдором и иноком Епифанием, но и с теми, кто помогал распространять их послания.

23 февраля 1670 г. для проведения сыска и расправы над Аввакумом и его единомышленниками на Мезень и в Пустозерск был послан из Москвы стрелецкий полуголова Иван Елагин. Он хорошо знал эти края, так как ранее, с 1661 по 1663 гг., был воеводой на Мезени.

В марте 1670 г. Елагин приехал на Мезень. Здесь он прежде всего учинил сыск над «духовными детьми» Аввакума Фёдором и Лукой и, не добившись от них покаяния и отказа от старой веры, казнил на виселице.

Характеризуя Фёдора как истинного борца за веру, Аввакум в своём «Житии» пишет: «Миленькой мой, храбрый воин Христов был. Зело вера и ревность тепла по Христу была; не видал инова подвижника и слезоточца такова! Пожил у меня с полгода на Москве, — а мне ещё не моглося, — в задней комнатке двое нас с ним, и, много час-другой, полежит да и встанет; тысячу поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу, — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: "долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься, — веть ты поп! Как сорома нет?" И мне неможется, так меня подымает, говоря: "встань, миленькой батюшко, — ну, таки встащися как-нибудь!" Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладёт. То-то друг мой сердечной был!»

А в письме боярыне Ф.П.Морозовой и её сестре Е.П.Урусовой, обращаясь к Морозовой, он пишет: «Поминаешь ли Феодора? Не сердитуеши ли на него? Поминай-су Бога для, не сердитуй! Он не больно перед Вами виноват был, — обо всём мне перед смертию, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не

стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал, и кое-што сказывал. Да уже Бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил, а после пеняешь мне».

После казни Фёдора и Луки их тела были закопаны в землю на пустом месте в 40 саженях от Окладниковой слободы. Мезенские старообрядцы стали почитать казнённых как святых мучеников. На месте их захоронения они поставили «срубец мал покровен», крытый тёсом на 2 ската. В срубе том «восьмиконечный деревянный крест, мерою в аршин» и тут же поместили «два образа старинного художества» в деревянном киоте, а «при них семь свечей восковых». Место это было местом поклонения старообрядцев не только с Мезени, но и из других мест. Здесь бывали старцы из поморской Выговской общины, в том числе один из известных руководителей этой общины и летописец раскола Семён Денисов и новгородец Гавриил. С их слов в Выговской общине была написана повесть «О страдальцах Мезенских...», посвящённая Фёдору и Луке, в которую вошёл и рассказ о посещении ими могилы «страдальцев Мезенских».

По доносу крестьянина Окладниковой слободы Артемия Ванюкова об этом стало известно духовным и светским властям Архангельской губернии. Сруб этот и крест в нём в ноябре 1743 г. были уничтожены солдатами воинской экспедиции во главе с майором Ильищевым, которая по доносу того же Артемия Ванюкова была направлена «для сыску» раскольников, скрывавшихся в «потаённых местах» в Мезенском уезде по рекам Койде, Майде, Пезе, Оме и на Пижме Печорской.

Тогда же священник и дьякон местной слободской церкви, которые, зная о поклонении старообрядцев казнённым Фёдору и Луке, не донесли об этом, «были пострижены в монахи в Соловецкий монастырь, но по всемилостивейшему манифесту 1744 года июля 15 дня прощены».

Позднее мезенским купцом П.Е.Ружниковым на месте захоронения Фёдора и Луки была сооружена часовня. И в этой часовне был установлен памятный деревянный крест. Описание этой часовни и креста дано А.А.Ивановским, который летом 1909 г. посетил г.Мезень, где ознакомился с архивом и ризницей мезенского собора.

Жизнь и подвиг верного ученика, друга и сподвижника протопопа Аввакума юродивого Фёдора, положившего свою жизнь во имя сохранения «древлего благочестия», является примером истинного русского национального патриотизма и мужества в борьбе за свои убеждения.

Часовня и крест, установленные на месте захоронения Фёдора и Луки, не сохранились, и даже старожилы Мезени не помнят то место, где они находились. Нравственный долг старообрядцев и мезенских краеведов найти место захоронения Фёдора и Луки и установить на том месте памятный крест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есипов. В.Г. Самосожжигатели // Отечественные записки. 1863. Февраль. С.620, 626—627.

2. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Оттиск из первой книги Памятников истории старообрядчества XVII в. Пг.,1916. С.49—50, 55—57, 61—62, 73, 130, 202—205, 210.

3. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М.,1991. С.54, 57—59, 63, 103—104, 107—108, 110—112, 189—191, 195—197, 317, 342—343.

4. Ивановский А.А. Отчёт о поездке в Архангельскую губернию в 1909 г. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып.V. Новгород,1911. С.2, 39.

5. Окладников Н.А. Пустозерские страдальцы (или из истории пустозерской ссылки XVII—XVIII вв.). Архангельск,1992. С.7—56.

6 . Памятники литературы Древней Руси. Книга первая. М.,1988. С.541, 554, 575—584, 696.

7. Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.,1963. С.265—266.